

Мина
ШЕХУ

ОРК

меня купиш

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Тина Шеху

Меня купил орк

«Автор»

2026

Шеху Т.

Меня купил орк / Т. Шеху — «Автор», 2026

— Бери. Дёшево.— На кой мне твоя дохлятина? Шкура да кости.— Зато говорящая! Три медяка и твоя на всю свою жизнь. Громко визжать будет! Грязные зелёные руки щупают меня, а я бессильно зажимаюсь. Бежать? Куда? В моём мире меня объявили убийцей, а здесь... здесь я лот на аукционе. Портал захлопнулся, отрезав путь назад. Остались только орки, решающие мою судьбу.— Два с половиной медяка за девицу.— Идёт! Меня передают покупателю, оценившую бесценную жизнь в пару мелких монет. Это конец...

Содержание

Меня купил ОРК	5
1	6
2	9
3	12
4	15
5	18
Конец ознакомительного фрагмента.	22

Тина Шеху

Меня купил орк

Меня купил ОРК

— Бери. Дёшево.

— На кой мне твоя дохлятина? Шкура да кости.

— Зато говорящая! Три медяка и твоя на всю свою жизнь. Громко визжать будет!

Грязные зелёные руки щупают меня, а я бессильно зажмуриваюсь. Бежать? Куда? В моём мире меня объявили убийцей, а здесь... здесь я лот на аукционе.

Портал захлопнулся, отрезав путь назад. Остались только орки, решающие мою судьбу.

— Два с половиной медяка за девицу.

— Идёт!

Меня передают покупателю, оценившую бесценную жизнь в пару мелких монет. Это конец...

1

— Писец...

Поверить, что на курорте произошло настоящее убийство, оказалось тяжело. И затратно по времени.

Бессмысленно разглядывая зарубленное топором тело, я всё ещё пытаюсь найти другое объяснение случившемуся. Но пусть мозг и перебирает сотни нереальных вариантов, глаза видят самое очевидное и простое. Убийство. И мои руки в крови сына депутата.

Что мне делать? Как дожидаться полицию, когда возле ног лежит труп молодого мужчины, которого всего полчаса назад видели сидящим в кафе за одним столиком со мной?

Вместо очевидной скорби и ужаса от вида крови и мертвеца, в голове возникают картинки наручников, камеры и грязных ярусных кроватей.

В убийстве обвинят меня. Больше некого. Ведь кто в здравом уме поверит, что за деревьями скрылось обмазанное зелёнкой тело здорового мужика? Он, наверняка, и грохнул богатого парнишку! А повесят всё на меня!

Работница кафе, убежавшая звонить в полицию, как назло не вовремя возвращается вместе с двумя охранниками.

— Едут? — спрашиваю онемевшим языком.

— Едут, а ты стой, где стоишь.

Один из охранников недобро щурит глаза. Второй достаёт из кармана какой-то предмет и сжимает его в кулаке.

Не нравится мне всё это, ой не нравится.

— Вы видели, кто это сделал? Я услышала крик и прибежала сюда, — всеми силами я пытаюсь убедить троих, что я тут не причём, несмотря на то, что вся перепачкалась кровью. — В лесу убийца!

Меня трясёт от ужаса, но не из-за страха, что меж деревьями всё ещё может скрываться маньяк. Я боюсь за...

— Игорь, хватай её!

Мужчины срываются с места. Всё случается за долю секунду. Я кричу, брыкаюсь, сопротивляюсь, но все конечности скручиваются и заламываются, а глаза вообще начинает ужасно драть.

— Что вы делаете?! Отпустите! Я ничего не делала! — визжу, что есть мочи, пытаюсь сделать хоть что-то.

Но твари держат меня и льют в лицо какую-то жгучую дрянь!

— Хватит! Мне больно! — срываюсь на ультразвук.

Больно! Как же больно глазам! Чем они меня обливают? Ядом? Кислотой?

— Не дёргайся, полиция сейчас заберёт тебя, — шипит откуда-то сбоку мерзкий мужик. Я не вижу его. Я ничего не вижу!

— Она убила его! Она убила Курсеева! Что же нам делать? Она убила Курсеева в нашем отеле! — крик работницы отдаётся в мои больные глаза.

— Молчи, Зорька, без тебя тошно. Меня выгонят и лицензии лишат.

— Дура! Просто дура! Зачем ментам звонила?! Скинули бы его с горы и делов бы не было! А сейчас разбираться с мусорами!

Кто-то дёргает меня за руки, заставляя пройти вперёд. Я делаю шаг, но теряюсь в пространстве и падаю аккуратно в руки одного из охранников. Тот, не побрезговав похлопать за зад предполагаемую «убийцу», пошло шепчет мне на ухо.

— Вот же сучка. Я на тебя глаза положил, когда увидел. Думал, Курсеев натрахается и оставит малышку одну, тут-то я тебя и пригрею. А ты вот, какой оказалась. Зарубила несчастного. А нам теперь разгребать. Непорядок, девочка.

Лапища на задку сжимается до боли. Наверняка, останутся синяки, но сейчас мне нет до этого дела. Я судорожно придумываю варианты спасения.

Все думают, что я убила. Да даже, если и не думают то никого искать они точно не будут! Не станут! Я лёгкая мишень!

— Из-за тебя у нас проблемы, девочка, — тварь запускает ладонь под мой топ и лапает грудь.

— Отвали!

Мерзко, грязно, отвратно!

— Держите её, пока она и нас не убила! Боже... что же с нами будет? — работница продолжает ныть.

Её реально интересует рабочее место, а не то, что происходит на её глазах? Меня просто так сейчас за решётку упекут!

— Я ничего не сделала... — шепчу, пытаюсь вывернуться из прикосновений мерзких людей. — В лесу убийца! Он же... он не остановится! Ищите его!

Убийство убийством, а в тюрьму я точно не хочу!

— Я слышу сигналку, они приехали, — от слов женщины, меня пробирает от макушки до пальцев ног. — Давайте скажем, что она икру с кухни стащила. И светильник.

Едва переставшие смертельно сильно болеть глаза, вновь режет ядовитой болью. В ушах отбивает бешеный ритм сердце, заглушая ругань работников злосчастного кафе.

Не думая больше ни о чем, я ударяю носком туфли о землю. Обувь легко входит в грязь, а затем поднимает пыль и мелкие камни.

На мужиков мой необдуманный план не действует. Мне конец.

— Кто полицию вызывал? Где труп? — раздаётся новый хриплый прокуренный голос.

Мне точно конец. Я всхлипываю и дёргаюсь в последний раз, но чужие руки не сбросить.

— Ё, мама. Ты смотри, кто тут у нас лежит!

Они поняли. Они узнали сына депутата. Меня будут судить по всей строгости, да ещё и кровной местью.

— Она убила его, заберите её. Она ещё икру воровала с кухни, а бедный молодой человек заметил и хотел отругать воровку, а она и его... обворовала и убила!

— Ничего я не воровала... — протягиваю несчастное сквозь слёзы. — И не убивала!

— Берём её.

Хватки на локтях, кистях, плечах и ягодицах разжимаются. Меня толкают к расплывающимся синим пятнам перед глазами. Я делаю удивительно лёгкий шаг вперёд, затем ещё один, а третий в сторону чёртового леса с чёртовым настоящим убийцей!

— Я ей перцем лицо залил! Далеко не убежит!

Я лечу на каблуках по грязи, не разбирая дороги, пока за мной гонятся охотничьи псы правоохранения. Скользкая земля сменяется холодной шаловливой травой раньше, чем меня успевают схватить за руку, но скрыться с места не моего преступления всё равно не удастся.

— Куда намылилась, сука?!

— Да не убивала я никого!

Шатает, тошнит, глаза не видят то ли из-за перца, то ли из-за едких слёз.

Это конец.

В ногу впивается острая ветка, намереваясь пригвоздить меня к земле, но я всё равно по инерции пытаюсь пробежать еще немного, пусть и с хвостом в виде мужиков.

— Какого?!

Конец фразы я уже не слышу, почему-то все звуки вмиг пропадают, остаётся лишь тягучая и нереальная тишина.

Я сознание потеряла? Очнусь в тюрьме?

Пытаюсь осторожно коснуться локтей, плеч, лица и носа. Я ощущаю прикосновения, как наяву. И даже перед глазами начинает проявляться какая-то картина. И она мне сразу не нравится.

Сердце в комок и замирает.

— Ты кто такая?

— Я никого не убивала... — только и продолжаю талдычить.

Здоровенный, даже колоссальный мужчина в странной одежде средневекового воина одаривает меня недобрым взглядом.

Откуда он тут взялся? На курорте фестиваль косплея? Но почему я не видела в отеле ряженных?

— По тебе видно, доходяга, — вдруг усмехается мужчина, кривя губы и демонстрируя огромные клыки. Почти, как бивни мамонта. — В Лоатаре таких съедают на завтрак.

— Где?

Я переминаюсь с ноги на ногу и беспокойно оглядываюсь. Погони нет. Полиция и охранники словно испарились в гари.

Стоп. Откуда здесь гарь?

— Ум потеряла, деваха? Забрела и не поняла куда?

Боже. Руки, которыми я ощупывала себя, беспомощно падают.

Это не оборудованный терренкурами лес для туристов. Это, мать его, настоящий дикий лес со мхом и широкими лианами, и он... горит!

— Что здесь происходит? Мы горим?

Только сейчас я обращаю внимание на нереальность и сумасшествие происходящего. Мужчина слишком высокий и широкий для обычного человека, слишком грубый лицом, слишком зубастый, слишком много в нём слишком. Как и в обстановке вокруг.

— Лоатар испытывает новое оружие, малышка. Близится война. Напугалась?

— Война...

Нет. Это нереально. Какая война? Какое оружие? Какой Лоа... что-то там?

— Никогда не видала сражений, ха! Пойдём-ка.

Незнакомец, казалось, неповоротливый и тяжёлый в мгновение ока оказывается на расстоянии вытянутой руки и уже толкает меня в самое сердце пожара.

— Н... нет...

— Не бойсь, мелочь. Мы просто погуляем.

— Я не хочу! Отстаньте от меня!

— Цицици, тебе понравится на рынке. Сыщешь себе подобных. И хозяина.

И больше не спрашивая моего мнения, мужчина сжимает мою шею аккуратно двумя пальцами и как на поводке тащит в горящую неизвестность.

2

Местный рынок оглушил меня раньше, чем я его разглядела. Рёв голосов, скрежет железа, удушливые запахи дыма и гнили кружат голову. С вывернутыми и связанными за спиной руками, меня бросают на деревянный помост в один ряд с ящиками и бочками.

От досок несёт гнилью и кровью. И, опустив голову, я наблюдаю источник вони. Они реально в крови, фигово оттёртой крови. От вида пятен меня мутит, но адреналин в голове не даёт упасть и принять судьбу.

Судебное заключение казалось концом жизни, но то, что происходит сейчас уже совсем ни в какие ворота.

Но я сумела избежать одного ада, быть может...

— Не дёргайся, — сипло ворчит мой «спаситель» из горящего леса. — Цена за тебя гроши. Охотка сёдня неудачна.

Мерзкий похититель сплёвывает на землю рядом с досками. По ней топают здоровенные жители этого населённого пункта, наступая на грязь, на плевок, на уроненный кем-то серый гриб. Каждый шаг странных существ отдаётся в висках.

«Что тупишь, бледнолицая?» — спросил похититель, едва втолкнув меня в каменные ворота города. — «Орков никогда не видела?»

Он произнёс с насмешкой, будто с сарказмом. Мне же весело не было. В том, что передо мной вышагивали и ходят прямо сейчас настоящие орки сомневаться не приходится. Ну, не бывает таких людей! Не бывает у нас такой зелёной или серой кожи!

Первый покупатель подходит и тыкает в бок толстым пальцем. Зелёным и без ногтя. Мерзость!

Я сгибаюсь, уходя от прикосновения, но орк-продавец натягивает волосы на кулак так сильно, что они аж скрипят.

— Хлипкая. Сломается в первую же ночь, — шипит покупатель и уходит, поджав незакрывающийся от огромных клыков рот.

Какой же он урод.

— Вы... реально меня продали бы ему?

— Меньше вопросов — больше улыбок. Я весь день тут торчать не буду. Понравься кому богаче, тебе же лучше будет, дурная.

Вскоре появился второй покупатель. От него разит кровью и спиртягой.

Ужас! Я не хочу, чтобы мной «владел» плюгавый вонючий и неприятный мужлан! В подтверждение мыслей о манерах, гадина зелёнокожая ощупывает мою грудь, как арбуз на рынке.

— Мягкая. Для утех сойдёт. А кухарить девка умеет?

— Умеет! Очень и очень умеет! — кивает продавец. Он бы на всё что угодно кивнул, тварь.

Это явно не улучшает моё настроение.

Меня затрясло. Не от страха, уже нет. От бессильной ярости.

— Не умею! Даже яйцо не сварю! И в постели я ужасна! Я... — срочно надо придумать, что может быть оркам неприятно в сексе! — Меня тошнит от вида членов!

Продавец шипит на меня.

— Так при свете тебя брать никто не хочет, девка, — покупатель сгибается ко мне, обдавая зловонным дыханием.

Тут-то меня реально и затошнило.

Дёргаю руками, но высвободить их нереально, поэтому просто тупо кашляю в морду зелёному.

— Тьфу! — тот кривится и отпускает. — Я думал, что обученную поведению человечку торгуешь, а эта с нами явно росла!

— Нет-нет, она из Города Цветов! Грамоту знает!

— Дура она!

Обиженный покупатель уходит, оставив продавца ни с чем. Вернее, со мной. И ярость свою он собирает выместить на мне.

Он убьёт меня! Одним ударом!

— Слушайте... давайте не делать поспешных выводов, — голос дрожит. За психолога я точно не сойду. — Вы ошиблись, что взяли меня с собой, я ошиблась, что попала на глаза. Давайте вы просто отпустите меня и всё. Не будете тратить на меня время.

Стоящий рядом ящик трескается от удара. К моим ногам высыпается водопад рыбы.

Так вот чем пахло.

— Радуйся, что твоя рожа...

Орк не успевает договорить, как на помост ступает человек. Ой, то есть ещё один орк. Не такой грузный, как продавец, но с широкими плечами в кожаной броне, испачканными въевшейся грязью. Выглядит он едва ли опрятнее остальных, зато одежда сидит явно по размеру и не висит, как у большинства прохожих.

Зелёное лицо немного искажено шрамами, самый длинный из которых рассекает лоб почти напополам.

Жутко.

— Зачем притащил девочку, Громш? — голос незнакомца низкий и глухой. Без подтекста, без пошлости. — Не надоело чушью торговать?

И взирает орк на меня без интереса.

Хоть один не тянется ко мне мерзкими руками!

— Сама прибежала, — огрызнулся мой конвоир. — В лес, а в лесу Сорад пуляет горящие камни. Одета она странно, говорит странно, вот и забрал. Нравится девах?

Я перестаю дышать.

Волосы, которые перестали держать, лезут в лицо, режут глаза, развеваются на ветру и закрывают мне обзор на высокую фигуру. Я не могу поймать его взгляд, но чувствую, как орк изучает и думает.

Хочу ли я, чтобы меня купили? Нет, конечно! Но крохотная надежда, что кто-то может выкупить меня и отпустить до сих пор теплится в груди.

Раз люди здесь водятся исключительно в роли товара, то может из местных хоть кто-то проявит понимание и сострадание?

Хотя вряд ли на это способен огромный зелёный вояка. А женщины... они только бросают в мой адрес оскорбления. Мне нужно дождаться человека, здесь должны быть люди.

— Бери её.

— Мне не нужна рабыня.

— Три медяка всего, а развлечение на весь сраный день!

Три медяка... столько стоит моя жизнь? Надеюсь, в их мире на эту сумму можно хотя бы однушку купить.

— Не хочу человека. В работе от неё проку нет.

Горячий пустынный ветер уносит мои волосы назад. Я вижу, что орк всё ещё скалой стоит на одном месте, не сводя с меня взгляда. С моих ног.

Хочется сомкнуть колени и сжаться, но сильнее некуда, я и так крошечная по сравнению с ними.

— Работа? Тебе токмо и знай, шо шкуру бить! А кто бездельничать будет? Отдыхай, сам себе надзиратель. А девочка умелая, красивая. Из нежных. Зырь, какие волосы, а кожа нежнее кроличьей.

— Не надо...

Орк протягивает руку и, не спрашивая разрешения, трогает ткань моих шорт, едва задев живот. Его кожа твёрдая и неровная, как наждак.

— Жёсткая и гибкая. Странное плетение. Чего это такое?

— Это джинса, — выдавливаю я, сама не понимая, зачем говорю. Может, отчаяние. Может, привычка что-то объяснять. — Прочная ткань и долго носится.

Покупатель поднимает на меня взгляд, от которого хочется сбежать. Орк заинтересован. Он же... он же не собирается покупать меня? Такой огромный, зубастый и грубый?

— Почему?

— Плотное плетение нити и обработка краской, — язык заплетается. Я что-то вещаю, будто на экзамене по материаловедению, пока меня держат на верёвке, как собаку.

— Видишь! Она грамоте выучена! В деле что-то сможет! И ноги раздвигать сможет! Бери уже, не стой дураком! Деваха ладная! — продавец, видимо, почуял, что тот сомневается и решает.

Я тоже чувую, что мне кранты.

Второй орк что-то обдумывает, потом кивает Громшу.

— Дам за неё два медяка.

Как отрезал.

В голове застывает фраза, повторяюсь ритмом колокола.

— Три! Она грамоте научена! И ноги красивые, а между ног тепло и любо, — опять повторяет, как заезженную пластинку.

Оркам важно только образование и секс? Что за несовместимые критерии? И если первое я им давать не собираюсь, то второе — даже помыслить страшно!

— Два с половиной медяка за девицу.

— Идёт!

Торг окончился быстрее, чем начался. Я даже не успеваю свыкнуться с этой мыслью, как незнакомец небрежно бросает Громшу кривые монеты и отстегивает от пояса нечто похожее на кожаный поводок с ошейником.

— Надевай сама, — приказывает он мне, пока торговец высвобождает мои затёкшие конечности.

Руки болят и ноют. Невообразимо сильно хочется покрутить ими и отжаться раз десять. Но вместо разминки, приходится в страхе прижимать кисти к груди.

Почему он суёт мне это?

— Я не собака, — шепчу уже давно осипшим голосом.

Воды мне никто не давал.

— Здесь все собаки, — безразлично отвечает орк. — Либо надеваешь, либо будешь волочиться по камням. Выбирай.

Руки дрожат, но я застёгиваю ошейник на шее. Холод металла обжигает кожу.

— Куда ты... поведёшь меня?

Орк только натягивает поводок и кивает вперёд, мол иди и не задавай глупых вопросов, теперь ты подчиняющаяся вещь, а я господин.

3

Путь кажется бесконечным и унижительным. На меня, вопреки ожиданиям, особо никто не смотрит и не показывает пальцем. Только пара орчих посмеивается над моей одеждой и говорит что-то про битвы. Будто бы все они только войной и живут! И зачем им всем тогда моё образование? Заставят из голубинового дерьма порох вычленивать? Или сразу водородную бомбу им подавай?

— Эй! Эй ты!

Я не реагирую на крики. Слишком шумно в этом городе, все ругаются, чморят друг друга, даже бьют. Я неосознанно держусь поближе к «хозяину», который даже не смотрит на здоровающихся с ним орков. А те так и норовят в качестве приветствия ударить орка по лицу.

Вот это нравы! Дикари!

— Эй! Девушка! — хриплый настойчивый голос раздаётся уже чуть ли не в ушах.

Это мне?

— А?

Рядом ковыляет совсем невысокая орчиха. В её зубах зажата трубка, из которой валит вонючий дым.

— Тоже продали? — хмыкает женщина, поняв, что её наконец заметили.

— Ага.

Не хочу ни с кем говорить. Сейчас оскорбит или, того хуже, плюнет или ударит. И чего им всем надо? Нельзя спокойно мимо пройти? И так мне плохо тут!

— Повезло, повезло.

— Повезло? — я шикаю на неё, но тихо, поглядывая на своего орка. Тот не обращает внимания ни на меня, ни на приставшую бабу. — Повезло? Меня продали на рынке, боже!

— Хе, повезло, шо Зуггару, а не кому-то ещё. Везучая.

— Мда. Фартовая просто, — обвожу себя руками, акцентируя внимание на чумазый видок и ошейник.

— Да, повезло.

Она не понимает сарказма и продолжает идти рядом. Меня это напрягает.

Орчиха кажется меньше остальных комплекцией и огромных клыков у неё нет, зато кожа серая, будто сажей измазана.

— Когда-то меня продали.

Я уж было желала послать назойливую компаньонку, но её слова вводят в ступор.

— Но ты... без ошейника? И хозяина.

Та глухо смеётся и собирается сказать что-то в ответ, как меня сбивают с ног. Огромный орк, не разбирая дороги, неся, сшибая всех на пути. А следом за ним бегут два орка в полном металлическом обмундировании с топорами наперевес. Не сложно догадаться, что это... местная полиция.

Шею сжимает удавкой, меня откидывает в сторону и валит на бок.

— Сейчас бы тебя убили, — орк придерживает меня за плечи, не давая упасть. Ошейник едва слабеет. — Смотри, куда шагаешь.

— Да почему ты там себя ведёшь?! — вырывается у меня.

Дёргает, когда хочет, трогает! Я тут вообще-то разговариваю! А, кстати, куда делать орчиха? Её нигде не видно на горизонте.

— А ты обернись, — глухо отвечает «хозяин», которого я уже просто ненавижу.

Но я слушаюсь, вопреки кричащей гордости.

— Еба...

В паре шагов от нас лежат два тела. Женщина и мужчина. Оба орки. Оба с перерезанными...

— Меня сейчас вырвет...

— Смотри вперёд, — орк разворачивает меня и подначивает идти дальше.

Спёртое дыхание постепенно восстанавливается, но перед глазами до сих пор стоит жуткая картина. К тому времени, как мы останавливаемся у какого-то каменного дома с верандой, я думаю лишь о том, что никогда не видела за один день столько смертей. Да и вообще никогда не видела смерть. Только издали, когда скорая заворачивала умершего на лавке бродягу.

Не о таком отдыхе в крутейшем отеле Кисловодска я мечтала, совсем не о таком.

— Покажи, как делать джинса, — грубый голос вырывает из невзрачных мыслей.

— Я... джинсу? Я не знаю, тут нет материалов, — сначала гляжу на свои шорты, затем озираюсь по сторонам.

Его «дом» оказался мастерской на самом краю города, где в воздухе держится едкая, химическая вонь, от которой слезятся глаза. Всюду висят шкуры, стоят чаны с мутной жижей, на деревянных столах сложены странные инструменты.

Орк уводит меня с явно рабочей веранды, внутрь дома.

Замка на двери не было. Входи, кто хош. Но лично я никогда бы не додумалась врывать без приглашения к подобным существам.

— И тут нет? — орк кивает на стеллаж с непонятными молотками разных размеров и здоровыми щипцами.

— Не знаю. Нет.

От гортанного рычания, у меня волосы на затылке дыбом встают.

Я его разозлила? Но я реально не знаю, как плести джинсы! Я же не на ткацкой фабрике родилась! И настоящий рабочий хлопок видела только на картинках.

— Бестолковая, — гремит орк, и проходит вглубь своего тёмного дома.

Меня, кстати, он тянет зачем-то собой. На негнущихся ногах подхожу к валяющейся на каменном полу огромной шкуре неведомого зверя. Медведя размером с дом?

— Традиция, — коротко проговаривает орк.

Я не понимаю сначала, что он имеет ввиду, пока ремень на его штанах не щёлкает, пока меня не толкают на эту самую шерстистую шкуру.

— Нет... — вырывается слабый протест. Я выставляю руки перед собой, а потом вцепляюсь в ошейник, пытаюсь содрать. Бесполезно. Я беспомощна, как овца. — Не трогай меня.

Крупная тень повисает надо мной. Это конец. Сейчас меня ударят, а потом силой отымеют во все щели, и отбиться от этой зеленой махины я точно не смогу.

Лучше бы я согласилась плести хлопок в джинсу, лучше бы притворилась, что умею!

— Традиция. Я должен накрыть тебя. Ты моя.

Он не бьёт, даже не дёргает за ошейник. Просто придавливает к шкуре всей своей массой.

Конечности утопают в грубом мехе, он щекочет подмышки и колени, но я не смеюсь. Обхватываю ладонями грубые плечи, пытаюсь стащить с себя тушу, но толку нет. Орк слишком тяжёлый.

В бедро уже упирается что-то здоровое и влажно. Что-то... размышляю, как маленькая девочка. Но я не хочу знать, какой у него член, мне точно не понравится.

Дышать тяжело, орочье тело давит на все органы, лишая меня воздуха, сил, но не чувств. Я ощущаю каждый выдох в свою шею, каждое шевеление широкой груди.

— Лежи, — приказывает орк и привстаёт, разрешая рвано вдохнуть. — Будет хуже, если сопротивляешься.

Из горла вырываются убогие хрипы.

Я бы хотела встать, но был ли толк? Поэтому продолжаю лежать, погружённая в горячий мех, что липнет к вспотевшей спине.

Слёзы, которые я с таким трудом сдерживала, вытекают из глаз и струятся горячими ручьями по вискам, смешиваясь с пылью и запахом шкуры. Я не рыдаю, но всхлипываю.

Но когда мои бёдра приподнимают, а шорты ловким движением стягивают с ног, вырывая молнию и пуговицу из петли, я не выдерживаю и хнычу в голос.

Он, кажется, замечает мои слёзы и почему-то на мгновение замирает, едва прикоснувшись к топику.

— Ты... хрупкая, — звучит сверху, как факт. — Маленькая. Нетронутая?

Я киваю, киваю из последних сил и надежд, что несуществующая девственность отпугнёт застывшего орка.

Но орк обхватывает ворот топа и рвёт его на мне одними пальцами.

4

— Прочная, но гадкая.

Куском разорванного топа орк вытирает мою щеку. Ткань грубо смята, но почти не задевает кожу.

— Если я гадкая, то не трогай, — только и остаётся, что хоть как-то убеждать чудовище не трогать меня.

Я ведь не переживу секса с орком.

Стоит опустить взгляд вниз, так внутри расплзается ледяной первобытный страх. То, что я вижу, вышибает из груди воздух.

У застывшего надо мной орка очень внушительный размер, очень. Я никогда не видела ничего подобного, и оно никогда не тёрлось влажной головкой о мои бёдра.

Я инстинктивно сжимаю ноги, но орк одной ладонью легко разводит их в стороны.

— Ткань гадкая.

Топ стирает слезу в уголке глаза и отбрасывается в сторону, в тёмный неприглядный угол.

— Акрил, — шепчу себе под нос, так и не в силах оторвать взгляд от зелёного органа с розовой головкой. Он венозный, крепкий и, опять же, невероятно огромный.

— Таковую не надо надевать. Тряпка для пола.

Орк говорит про ткань, а тем временем проводит пальцами по моему подбородку. Стёртая и грубая от ручной работы кожа неприятно царапает губы. Я поджимаю их, но чудовище всё равно просовывает пальцы в мой рот.

— М!

Его лицо пугает ещё сильнее. Жёлтые глаза поблёскивают от возбуждения, а зубастый рот приоткрывается с шумным гортанным дыханием.

Сердце орка бьётся быстрее и звучнее моего.

Чудовище даже не ощущает, как я пытаюсь прикусить твёрдые пальцы. Наоборот, оно будто само нарывается и трёт их о зубы, чтобы сейчас достать руку и смоченными в слюне пальцами обхватить свой член.

— Не надо, — я мотаю головой, привстаю на локтях, понимая, что меня ждёт.

— Я сказал. Не надо. Вставать.

— Не надо! — давлюсь собственным криком. — Да ты...

В губы вжимается ладонь. Крепко, не могу её отодвинуть.

— Традиция. Ты лежишь, я беру.

Всё тело сопротивляется насильнику, но тот объективно сильнее. Я вцепляюсь в шерсть, шлёпаю ладонями по шкуре, пытаюсь нащупать хоть какой-нибудь предмет, чтобы отбиться от орка, но...

— Раздвинь, — чудовище переворачивает меня на живот.

Соски проезжаются по грубой шерсти.

— Пожалуйста, не трогай меня!

Я то кричу, то шепчу, то ругаюсь, то умоляю, но на орка не действуют мои слова. Он ведёт себя, как возбуждённый зверь, настигнувший добычу.

Под животом пролезает рука и поднимает мои бёдра выше, ещё выше. Так, что даже колени уже почти не касаются меха.

Я пытаюсь опуститься, вернуться на пол, но могу лишь хватать пальцами шерсть и продолжать кричать. Напротив меня холодная бетонная стена. И я готова биться об неё головой, лишь бы не чувствовать это унижение.

— Шире.

Он вошёл в меня. Вошёл. В меня.

Сначала головкой, затем толкнулся глубже, и, невзирая на мои слёзы, продолжает вторгаться в тело.

Его размеры не имеют ничего общего с человеческими. Мне больно, меня растягивает изнутри огромный орочий орган.

А насильник только и продолжает гулко повторять про традиции и необходимость.

Как будто это что-то значит для меня.

Орк замирает, наверное, давая мне привыкнуть, но это только растягивает муку. Я пытаюсь расслабиться, чтобы хоть немного привыкнуть, заглушить боль внутри.

— Терпи, — шипит насильник. — Быстро не получится. Половина.

Половина?!

Я хнычу. По ощущениям кажется, что во мне едва ли не целая рука, но орк продолжает. Он быстро стирает пот с моей поясницы поглаживающим жестом и оставляет на ней руку. Ему удобно насаживать меня на свой член двумя руками.

Опять двигается. Медленно, с чудовищным, методичным усилием, будто вколачивая клин в неподатливую древесину. Каждый толчок отдаётся тупой болью глубоко внутри.

Я снова закрываю глаза, стискиваю зубы до скрипа. Слёзы текут уже сами по себе и капают на пропитавшийся влагой мех.

В голове гудит лишь одна мысль, что хоть самую малость отвлекает от происходящего.

Это плата. Плата за то, что не села в тюрьму. Просто плата. Пусть я и не виновата, но они бы меня закрыли. Повесили бы ещё двадцать убийств и закрыли бы в колонии с психами и маньяками. И там бы меня насильовал не один несчастный орк...

От очередного глубокого толчка пробирает током. Волосы падают со спины и бьют по лицу.

— Тише.

Я случайно соскользнула с уже мокрого члена, но орк сразу возвращает меня на место. Причмокивает при этом, будто от удовольствия.

В ушах остаётся только его рваное дыхание, только его грубое шипение, только единичные стоны. Себя я уже не слышу. Даже плакать перестаю. А толку плакать? Остаётся терпеть.

На плече сжимается горячая ладонь. Не до боли, но я пугаюсь, пытаюсь инстинктивно смахнуть её, за что получаю новый толчок.

Сколько проходит времени — не понимаю. Орк всё ещё берёт меня в той же самой неудобной висячей позиции. Тело едва привыкает к размерам и уже не чувствует той ужасающей боли. Мне больно, но я терплю, закусывая губу и всматриваясь в тёмную пустую стену. Так легче, так терпимее.

Орочье дыхание становится чаще, горячее. Он не пытается быть нежнее, вбивается в меня уже не сдерживаясь.

Краем зрения замечаю блеснувшие у моего плеча клыки, но не успеваю даже повернуть голову, как те исчезают в темноте.

Руки на плече и талии сжимаются чуть сильнее прежнего. Я чувствую... это сейчас кончится. Кажется, во мне даже что-то пульсирует. Член? Или счастье от близкого конца?

— Хр! — орк проговаривает нечленораздельное и вдавливая меня в себя. Тело к телу, ягодицы к бёдрам.

Наступает тишина, но облегчения она не приносит.

Орк задерживается в похабной позе ещё несколько секунд, а потом легко погружает меня в мех.

Я больше не шевелюсь.

Может, притвориться мёртвой? Да я в реальности близка к этому состоянию.

Лежу, чувствуя, как боль и липкое тепло растекаются внутри, как дрожь бьёт по онемевшим ногам.

Мой взгляд устремляется в темноту.

Если я закрою глаза, то открою их в нормальном мире? Может, полицейский огрел меня дубиной и сейчас я просто лежу невменяемая с сотрясением?

Орки же не могут быть в реальности? И не могут совокупляться с настоящими людьми?

Я никогда не видела настолько реалистичных снов, как этот. Но... мне не остаётся ничего, как мечтать, чтобы этот день оказался плодом пьяного воображения.

Надеюсь, я напилась с Курсеевым и улетела кукухой. А, может... он подсыпал мне что-то? И сейчас в облике зелёной громадины насиловал меня?

Я слышу как орк шумно натягивает штаны, как делает шаг босой ногой и останавливается рядом.

Не дышу, не шевелюсь, даже глаза держу открытыми, не разрешая себе моргать.

— Спи, — коротко бросает чудовище. На спину падает что-то тяжелое и мохнатое. Шкура. Он подогнул её, чтобы накрыть меня. — Завтра работа. Надо обработать шкуры кодо. Если утром спишь, то останешься без еды.

Его слова повисают в воздухе, как приговор.

Работа? Шкура кодо? Как я докатилась до такой жизни?

5

Вся мастерская, куда меня отправили работать, так и кричит о любви своего хозяина к своеобразному порядку. Каждый инструмент будто появился на свет в отведённом ему месте и покидал его лишь на короткое время.

Я тру слипшиеся глаза. Умыться орк мне не дал, да даже доспать в розовых снах тоже. Разбудил с криком «вставай, работать надо» и потребовал, чтобы я срочно прибыла в мастерскую на веранде.

Будь я в своём мире, то точно бы послала нахер гада и ещё бы в рот ему одеяло затолкала, чтобы заткнулся. Но здесь выбирать не приходится. Особенно, если я собираюсь сбежать.

На стене висят огромные щипцы. Невольно или очень даже вольно проносится желание ударить орка по голове этой штуковиной. За то, что купил меня, за то, что изнасиловал.

Ненавижу. Как же я ненавижу эту зелёную тварь!

Сжимаю кулаки в приступе ярости и желании убить это чудовище.

Орк, не ведающий о моей ненависти, ритмично помешивает что-то кипящее в чане.

Сейчас нападать не вариант. Он легко швырнёт меня в жижу и сварит суп. И вся деревня придёт полакомиться.

Нет, надо дождаться, когда орк будет расслаблен, и уж тогда...

— Не всё надела, — кидает фразу из-за спины орк.

Он жопой на меня смотрит?!

Морщусь, приглаживая грубую рубаху, которую в меня швырнули утром.

— Штаны мне велики, — шиплю сквозь зубы.

— Подшей. И фартук.

От меня и так несёт дымом и маслом, так он хочет, чтобы я ещё нацепила на себя жирную клеёнку? Когда и так тяжёлая мешковина закрывает меня с головы до ног?

— Не хочу.

— Глупая баба.

— Это я ещё глупая?! Вы тут морды друг другу бьёте в приветствие, спите на шкурах, торгуете живыми людьми, а я глупая?

Я могу топнуть ногой, могу еще час кричать и разглагольствовать обо всех ужасах и варварствах, которые увидела, пока топала на рынок и с рынка, но орк оборачивается, и я затыкаюсь.

От его взгляда становится жутко.

Чёрные длинные волосы лезут в глаза, поэтому орк поправляет их кистью. Его жёлтые глаза блестят, а ноздри широко раздуваются от тяжёлого дыхания.

Я отступаю назад, пока лопатки не упрутся в каменную стену. Макушку поглаживает очередной инструмент.

— Скобли. Всё мясо, все плёнки. Чисто и до кожи, — он швыряет к моим ногам странный изогнутый инструмент с блестящим лезвием. — Начинай. Всё на столе.

Спорить не хочется. Особенно глядя на вздувшиеся от тяжелого труда мышцы на его руках и глядя на сжатые кулаки, размером чуть ли не с мою голову.

Я поднимаю увесистый предмет и со стоном мольбы перед богом, подхожу к деревянному столу.

Каждый шаг причиняет дискомфорт. Внутри еще ничего не зажило после чёртовой ночи.

Я пытаюсь встать так, чтобы не поворачиваться к орку задом. А то... даже представить боюсь, как он нагнёт меня через этот стол и снова трахнет!

Но конечно же мозг так и подкидывает разные варианты, как орк раздвигает мне ноги то на верстаке, то на шкурах, то привязанной к дубильному станку.

— Скобли.

Я пытаюсь скоблить, но через пять минут ладони стираются в кровь о рукоять, а со скользкой шкуры не сходит ни грамм жира. Я только размазала вонь по столу.

Отчаяние подкатывает к горлу.

И под таким углом, и под сяким углом держала, но не получается. Сейчас орк меня накажет, не иначе.

Сжимаю ягоды, слыша тяжелое дыхание и громкие два шага позади.

Не трогай меня, только не трогай меня.

— Я... не могу. Инструмент не тот, — шепчу в оправдание.

Мои кисти оказываются в чужих руках. Орк секунду безэмоционально разглядывает кровавые мозоли, а затем хмыкает будто бы своими клыками. Так бы и обломала их.

— Бесплезная, — констатировал поганый орк. — Ладно. Другое дело.

Он указывает на кучу уже очищенных, но жёстких, как камень, кусков кожи.

— Мни их. Пока не станут мягкими. Мозгуй.

Я слышала это слово в колледже, но никогда не могла себе вообразить, что в реальности стану втирать в сырую кожу вонючую смесь.

Запах стоит такой, что я несколько раз выбегаю на грязную дорогу, чтобы отдышаться и наглотаться пыли от орочьих сапог.

— Слабая, — каждый раз комментировал орк.

— Ну и выгони меня на улицу! Раз я бесплезная.

— Сгинешь в городе сразу. Работай, а не языком трепли, — заставляет работать он всегда грозным тоном, от которого я только скалю зубы и продолжаю терпеть.

Через несколько часов мучений мои руки от запястий до локтей покрыты липкой вонючей массой. Онемевшими пальцами втираю её в неподатливую кожу, как меня опять охватывает истерика. Я с дипломом инженера сижу и втираю мозги в шкуру мифического зверя!

Как было тяжело в универе, но насколько же сложнее здесь! Тут даже мыла нет! Я руки мою камнем!

Может, лучше было бы сдать полицию? Признать, что я убила Курсеева и сидеть в камере, зато с мылом?

Так и подмывает спросить у орка, как вернуться в свой мир, но он точно не расскажет. Мне нужен другой помощник. Какой-нибудь человек. Может, есть люди из нормального мира? Вряд ли я одна такая дура?

Но «хозяин» не разрешает мне подзывать проходящих людей. Вернее, разрешает, но ухмыляется, когда рабы в цепях отшатываются и бегут подальше от моего оклика.

— Радуйся. Я позволяю тебе ходить без цепей.

Ага, но держишь грозным взглядом. Эти рабы хотя бы не работают, а шастают по улицам.

Когда орку требуется уйти на рынок за солью, он даже не связывает меня, а просто... свистит.

Из-за угла мастерской выкатывается нечто. Невысокое, коренастое, покрытое не шерстью, а какими-то колючими наростами. У существа четыре когтистые лапы и пара крошечных, свиных глазок, полных тупости.

— Пушистик, — орк кивает в сторону подбежавшего существа. Тот сначала вьётся и ластится перед хозяином, а затем заливисто скулит, когда тот спускается с лестницы веранды. — Развлекайтесь.

Пушистик издает звук, похожий на бульканье кипящей смолы, и усаживается между мной и лестницей, не сводя с меня глаз.

Страшно даже пошевелиться.

Убежать? От него? Я делаю медленный и неуверенный шаг к перилам, но существо тут же встаёт на лапы, обнажив ряд игольчатых зубов в пасти. Больше я не двигаюсь ни в какую сторону, а тупо сижу на верстаке и матерю свою судьбу. Хочется со всей силы ударить по шкуре на дубильном станке, но Пушистик рычит, стоит мне только дёрнуться.

К счастью, орк возвращается. Удивительно, но ему я рада сильнее, чем Пушистику.

— Можешь убрать его? — всё ещё сидя в той же самой позе я одними глазами указываю на существо.

Оно недовольно прижимает колючую грудь к деревянной лестнице и сужает глазёнки.

— Мне не мешает, — орк кладёт кулёк на пустой стол и подходит ко мне.

— Объясни плетение.

Передо мной, упираясь в колени появляются мои же джинсовые шорты. Так вот куда они делись! Эта тварь уволокла их с собой! Мои шорты!

— Не знаю, — отвечаю коротко и быстро. Не хочу я ни о чём разговаривать с ним. Пусть решит уже, что я тупая и выгонит к чертям.

— Знаешь, — вдруг заявляет орк грубее.

Его голос щекотит макушку, а его руки ни с того, ни с сего обхватывают мои бёдра и грубо сминают.

Ему плевать если останутся синяки. Животное!

— Это было на твоих ногах.

Тепло ладоней ощущается даже сквозь мешковину.

— Джинсы, — произносит орк чёрти как, но всё равно уверенно.

И чем его так интересует одежда? Кому он тут будет мастерить шорты? Пушистику?

Пушистик всё ещё здесь и все ещё презрительно наблюдает за мной.

— Прогони его, — отвечаю на выдохе. — И не трогай меня.

Горячее дыхание смещается к моему уху. Орк наклоняется, чтобы взглянуть на меня впритык, да так, что сердце останавливается.

— Я купил.

Ком поднимается к горлу.

— Тебя купил.

Мне не хватает воздуха. В голове мутнеет. Кажется, я сейчас откинусь и упадут в объятия орка, что до сих пор мнёт мои ноги.

— Это...

Не знаю, чего хочу сказать. Наверное, взбрыкнуть и наорать, что я человек, а не вещь, но вой из желудка прерывает мою речь.

— Расскажешь о джинсы, а я накормлю вас.

— Вас?

Он научился субординации? Понял, что я выше его уровнем?

— Пушистик не ел три дня.

— О Господи, — вырывается тихое. — Вот, почему он на меня так смотрел.

Орк похлопывает меня по бёдрам. Не похабно, но собственнически.

Меня от этого тошнит.

Не знаю, чем он собирается накормить меня, но на пустой желудок планы по спасению придумать сложно.

Когда орк вновь мнёт мои ноги пальцами, я начинаю вспоминать всё, что могла знать, и медленно переключаю внимание орка на шорты.

— Саржевое переплетение... высокая плотность нити... хлопок с добавлением эластана для растяжимости...

Он слушает, прищурившись, водит толстыми пальцами по шву, по крепкой строчке и по нитке, где вчера висела пуговица.

Меня он больше не трогает. Я менее интересна, чем шорты. И это прекрасно. Я готова прислать ему все джинсы из своего шкафа, если он вернёт меня в нормальный мир.

— Крепко, — заключает он, когда я выдаю всё, что могу. — Так можно делать броню. Лёгкую. Для разведчиков.

Лицо орка меняется. Он задумчиво почёсывает подбородок и отходит к кульку, который принёс. Достает из него кусок хлеба и чего-то копчёного, судя по запаху.

— Я мало, что понял, но ты заслужила еду. А завтра, — говорит он. — Покажешь.

Орк отпустил меня обедать и отдыхать, а сам продолжил работу со шкурами.

Вот это добрейшей души начальник, блин. Чтоб его Пушистик загрыз! Эта тварь, кстати, схватила кусок копчёного мяса и свалила куда-то за дом. Надеюсь, она отравится и не вернётся.

После еды я смываю с себя вонь ледяной водой из чана, дрожа от холода и страха. Страх, что орк снова придёт, что традиция трахать рабынь повторится.

К вечеру я забиваюсь во вчерашний угол, натягивая шкуру на голову.

Орк входит, видимо, закончив на сегодня дела.

Он тушит факел, плюхается на лежанку у тлеющего костра, и через тридцать секунд комнату заполняет храп, подобный рёву мотора. Ровный, мощный, не оставляющий сомнений, что зелёная машина спит. И глубоко.

Натрудился за день тварь.

Облегчение настолько сладкое, что я тихо плачу в медвежий мех.

Не тронет. Как же мне повезло!

Но облегчение вскоре сменяется горячей злостью.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.